

РЕЦЕНЗИИ

ТВОЙ ДРУГ И МАТЬ ВАРВАРА ТУРГЕНЕВА ПИСЬМА В.П. ТУРГЕНЕВОЙ К И.С. ТУРГЕНЕВУ (1838–1844)

ТУЛА: ГРИФ и К°, 2012. 584 с.

Письма Варвары Петровны Тургеневой к сыну Ивану почти сто лет ждали своей публикации. Еще в 1914 г. они поступили в Императорскую публичную библиотеку Санкт-Петербурга (ныне – Российская Национальная библиотека) и сразу же привлекли к себе внимание ученых. Годом позже небольшая часть писем была опубликована в журнале “Русская мысль” и в “Тургеневском сборнике”, с них были сняты копии, а затем в течение многих лет исследователи творчества И.С. Тургенева и его биографы говорили о насущной необходимости издания эпистолярного наследия его матери целиком и без купюр. Много сил и творческой энергии положил на это известный биограф И.С. Тургенева и краевед Н.М. Чернов, памяти которого посвящена настоящая книга. Наконец в 2005 г. в Спасском-Лутовинове под руководством доктора филологических наук, старшего научного сотрудника ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) Н.Н. Мостовской была создана творческая группа, которая и подготовила данный труд к печати. На сегодняшний день это единственное полное издание писем В.П. Тургеневой к И.С. Тургеневу, авторитет которого подтверждают солидные рецензенты – Ю.В. Лебедев и Н.Н. Скотов.

Структура рецензируемой книги такова, что в центре читательского внимания закономерно оказывается эпистолярное наследие В.П. Тургеневой – 122 её письма к сыну Ивану. Тексты писем подготовлены к публикации и прокомментированы Е.Н. Левиной и Л.А. Павловой. Однако не менее значительна в общем объеме книги и та ее часть, которую представляют собой собственно комментарии к письмам и содержательная вступительная статья (автор – Е.Н. Левина), свидетельствующие о кропотливой работе исследователей. Без такого сопроводительного материала многое в текстах писем В.П. Тургеневой остается непонятным для читателя, не укорененного в проблеме. Комментарии по объему подчас оказываются сопоставимы с самим предметом комментирования, но это тем более ценно, так как в качестве сопровождения к письмам В.П. Тургеневой читателю предлагаются не менее уникальные фрагменты из семейной переписки Тургеневых, о чем речь у нас еще впе-

реди, потому что этот факт заслуживает особого внимания. Книга включает в себя интересный иллюстративный материал – конверты писем В.П. Тургеневой, оттиск ее печати, портретную галерею рода Тургеневых-Лутовиновых, фотографии личных вещей, принадлежащих Варваре Петровне. Все эти материалы взяты из архивов Государственного мемориального и природного музея-заповедника И.С. Тургенева “Спасское-Лутовиново” и Государственного литературного музея в Москве. Наконец, книга снабжена указателями имен, географических названий и произведений И.С. Тургенева, которые упоминаются в текстах писем В.П. Тургеневой или встречаются в комментариях. Раздел “Содержание” хорошо структурирован и заслуживает особой похвалы: каждое письмо занимает отдельную позицию в списке писем по годам, определены точная дата и место написания, так что с ними очень удобно работать.

Особая заслуга комментаторов и издателей писем заключается в том, что им удалось сохранить единство эпистолярного текста, целостность которого исключительно важна не только для понимания личности самой В.П. Тургеневой, но и для осмысления внутренней логики и психологического драматизма ее взаимоотношений с И.С. Тургеневым. Никакие публикации фрагментов или издание части переписки, которые время от времени предпринимались за почти столетний период работы ученых с письмами В.П. Тургеневой, не дают той полноты во взгляде на проблему общения писателя со своей матерью, как этот единый корпус текстов. Фрагмент подчас транслирует ситуацию однопланово – отсюда порой и предубежденные оценки биографов Тургенева, звучащие в адрес Варвары Петровны, и необъективные суждения по поводу ее религиозности или причин ссоры с сыном Иваном и др. Словом, перед читателями этой книги предстают непростые, чуждые только одной краски, отношения Тургенева с матерью, возможно, выявится что-то до сих пор неведомое и в личности самого писателя, резко высветится драматизм, а порой и трагизм правды каждого участника семейной истории.

В целом биографическое значение писем В.П. Тургеневой переоценить трудно. Безусловно, вне фигуры великого сына ее письма представляли бы гораздо меньший интерес. Однако все же они ценны и сами по себе – как факт эпохи, как свидетельство о времени, о его значимости в контексте русской культуры. К тому же письма Варвары Петровны вполне можно рассматривать как явление женской эпистолярной литературы, которое способно заинтересовать современного культуролога, историка, филолога, занимающегося, например, проблемами гендерных исследований или же феноменом “почтовой прозы”. Удачным представляется и название книги. “Твой друг и мать Варвара Тургенева” – так часто подписывала свои письма к сыну Варвара Петровна. С одной стороны, строго и лаконично, с акцентом на ценность дружеского общения с сыном, с другой – несколько отстраненно, к тому же в мужском роде (ведь сказано не «твоя мать и друг», а «твой друг и мать»), когда исчезает что-то нежное и по-матерински щемящее. В этой фразе, думается, сказывается едва ли не вся Варвара Петровна, в которой трепетное материнское начало боролось с рациональностью и просвещенностью наследницы сложного XVIII века, когда ее желание быть для своего любимого младшего сына не столько родительницей, сколько именно просвещенным другом, порой не подкреплялось реальностью. Безусловно, быть больше, чем матерью, – лейтмотив всех писем В.П. Тургеневой к И.С. Тургеневу.

В оценке отношений матери с сыном, которому только еще предстояло стать великим писателем (первые письма датированы 1838-м годом, а последние – 1844-м, когда еще не были опубликованы даже “Записки охотника”), необходимо избегать оценочных суждений, которые нередко доминируют в работах (научного и публицистического характера), где эта тема затрагивается. Варваре Петровне отчасти ставится в вину то, что не угадала мощного таланта сына, а если даже и ценила некоторые его вещи, как, например, поэму “Параша” – до “смертного греха тщеславия”, как она сама признавалась, то все равно не в полной мере уважала его дарование¹, а иногда даже позволяла себе поучать или давать советы по худо-

жественной части (что лучше ему перевести, что читать). Однако осмелимся предположить, есть тут у нее особые права, которых нет ни у кого из почитателей Тургенева – и нам просто трудно с этим смириться: ведь для нее он прежде всего сын, а потом писатель, тогда как для всех остальных последнее важнее и превыше всего. Можно рассуждать о том, что она старалась быть интересной для своего сына, но так и не смогла идти с его веком наравне – не дотягивала ни по интеллектуальному уровню (не те книги читала, делала ошибки во французских или английских фразах и проч.), ни по нравственно-эмоциональному статусу (слишком часто писала о деньгах и попрекала детей неумением ценить копейку и т.д. и т.п.), но не признавать ее влияния на личность Тургенева после публикации этих писем уже нельзя. По нашему глубокому убеждению, вступительная статья, где лаконично излагается история исследовательского интереса к взаимоотношениям Тургенева с матерью, предлагает спокойный и в определенном смысле даже сознательно отстраненный подход к осмыслению данной проблемы. Нельзя не согласиться с автором статьи, что “наиболее полное и разностороннее представление о личности и судьбе Варвары Петровны Тургеневой дают не работы исследователей, не высказывания критиков, а ее личная переписка с сыном Иваном” (с. 8), что именно эта переписка способна “в значительной степени освободить тургеневскую семейную историю от тех мифов, которыми она в известной степени окружена, и в конечном счете пролить новый свет достоверности на биографию и творчество одного из крупнейших классиков русской литературы” (с. 20). Варвара Петровна Тургенева, можно сказать, получает в этой книге право голоса. А читатель уже самостоятельно решает, насколько искренни, глубоки и объективны ее слова и чувства.

Читательскую аудиторию, несомненно, интересует психоаналитическая сторона взаимоотношений Тургенева с матерью, которую не могут миновать ни его биографы, ни исследователи творчества. Даже если отнестись с осторожностью к возможности объяснения тех или иных художественных явлений исключительно внутренними комплексами писателя, как например, это сделал В.Н. Топоров в известной книге “Странный Тургенев”, в которой едва ли не все таинственное, “темное” и “странное” в тургеневских текстах возведено к его внутренним фобиям и врожденным – от отца и матери – страхам, то отрицать их все же нельзя. Общий тон опубликованных писем в целом не колеблет мучительной неразрешимости сложных отношений братьев Тургеневых с

¹ “Ты, мой друг, поешь глухой обедню”, – писала Варвара Петровна сыну о его стихах, с которыми он ее познакомил. Обидное сравнение дополняется также рассказом об одном музыканте, который вынужден был своим слушателям приплачивать по 200 рублей за свои сочинения (с. 167). В другом письме ругает его за то, что тот вместо писем, где бы она видела сына “как в зеркале”, шлет ей свои стихи, да еще и без рифм, чего Варвара Петровна не любила (с. 196).

матерью, однако придает им оттенки, которые не позволяют читателю возлагать вину в семейном конфликте исключительно на кого-то одного.

По мере чтения писем становится очевидным, что материнское чувство Варвары Петровны, не находя должного, как ей казалось, отклика в сердце младшего сына Ивана, все больше и больше сопровождалось упреками и угрозами в адрес детей, вплоть до лишения материальной поддержки. Признания в любви и просьбы о внимании содержатся едва ли не в каждом письме, независимо от времени написания, но пафос этих признаний и просьб, поначалу еще довольно мягкий, к моменту окончания переписки приобретает поистине драматический характер. Если в первых письмах (за 1838 год) читаем: “Ваня, да отчего же ты меня не слушаешься, отчего ты не можешь подарить мне ежедневно 10 минут. 10 минут – не много платить за нежность такой матери, как я” (с. 88) или “Еще бы пятница без письма от тебя и к тебе бы написали – матушка помешалась” (с. 118), то позже, к концу переписки, приказы и требования Варвары Петровны становятся больше похожими на плач: “О, ежели бы вы могли меня видеть одну минуту, вы бы ужаснулись. Разорвите могилу отца, вытащите его оттуда – ежели меня туда зарыть нет способу. Я приказываю вам посоветоваться между собою, подумать и требую, чтобы один из вас шёл в отставку <...>. Я сделалась совсем слаба, изнемогаю – и требую себе покрова, требую исполнения ваше<го> долгу. Вы не должны покинуть мать под старость, это ваша обязанность. Я пеклась об вашей молодости, должна ли я умереть на рук<ах> посторонних, или даже холопых, должна ли терпеть ну<жду>, горести, скуку. Я не могу ехать к вам в Петербург, хотя желаю этого от всего сердца. Возьмите меня, перевезите меня к себе. Я буду есть сухой хлеб с водой, но! буду счастлива <с> вами, особливо с тобою, с тобою, который более со мною снисходи[тельней], уживчивей, схож во всем со мною. Возьмите меня, вырвите меня отсюда. <...> Спаси, спаси меня, умоляю тебя, не погубите меня. <...> Вытащите меня, спасите, спасите – или вы будете отвечать Богу, вы будете моими убийцами” (с. 495).

Она просит и угрожает, требует и плачет – очевидно, что нездоровье, одиночество дают о себе знать, ярче проявляется и ее сложный характер, однако и дети не спешат ее понять, не отличаются они аккуратностью и как корреспонденты. Ей же очень хочется чувствовать их поддержку, видеть сыновнее внимание – это становится ее навязчивой идеей. Примечательно, что не всегда и не все свои мольбы и просьбы Варвара Петровна пересылает своим детям, некоторые зачеркивает, как,

например, в одном из писем 1843-го года: «Когда я умру, Ваничка, ты, может быть, скажешь: “Я бы мог, кажется, начать службу, пока жива, обеспечу мою старуху, которая меня так крепко любит”. Это я пишу оттого, что меня вдруг схватило – и я думала умереть» (с. 412). В другом – признается, что долго не писала сыну не потому что сердилась, а потому что “все писанные мои письма пахли или эгоизмом, или выговором. Чего я не хотела” (с. 222). Варвара Петровна пишет подчас излишне откровенно о себе, что потом сама и вычеркивает из писем, но эта откровенность во многом мотивирована тем, что ей в сущности больше некому сказать о своей боли и своем одиночестве. Как справедливо замечено во вступительной статье, “беседа с сыном была для нее настоящей потребностью” (с. 9). Она сообщает ему следующее: “Мне всегда много матери и охоты к тебе писать, будучи л<ише>на счастья говорить с тобою лично”, “я пишу к тебе всякий вечер, когда все улягутся. Тут мне свободнее с тобою беседовать, ты, кажется, меня слушаешь. Пока устану и перо выпадет из руки” (с. 78, 271). Письма младшего сына она, по ее признаниям старшему Николаю Сергеевичу, “читала всякий день после молитвы” (с. 387). В детях, особенно в Иване, она, несомненно, хотела найти родственные души. Письма Варвары Петровны, как она сама говорила, имели характер “журналов” или дневников, поэтому в них подчас отражались разные перепады ее настроения. В зависимости от времени написания того или иного письма (это иногда занимало несколько дней) интонация менялась. Она успевает сказать о хозяйстве, которое и сохранялось во многом благодаря ей, о соседях, спешит поделиться впечатлением от прочитанного. Ивана, в свою очередь, просит: “Напиши, что ты читаешь теперь” (с. 88). Она хочет, чтобы сыновья были с ней откровенны. Особенно эти интонации очевидны в начале переписки: “Всякая вина от меня тебе *отпустится*, кроме неоткровенности. Но! этого быть не может, не так ли, дети?..” (с. 98) Очень огорчается, когда в письме сына не обнаруживает... его самого: “Письмо твоё, а тебя тут не видно” (с. 133), поясняет: “Письмо надо писать, особенно к матери, <...> чтобы она видела сердце сына, а иначе письмо – не письмо” (с. 410). Она предполагает искренность, поскольку и сама не скрывает своего сердца перед детьми. Обратной стороной этой откровенности, повторимся, является подчас чрезмерная, пугающая эмоциональность ее высказываний. Реакция детей на подобную эмоциональность в виде их молчания – иногда Иван пропускал до пяти почт! – современному читателю писем Варвары Петровны может показаться излишней и не все-

гда оправданной. Нельзя не посочувствовать ей, когда читаешь следующие строки: “Три недели я не имею от тебя ни строчки никакого известия. Помилуй тебя бог испытать, что значит идти с почты с пустыми руками и думать: ещё 7 дней, как эти 7 дней мучительны, какая тоска. Не грех ли тебе делать мне такое горе. В дальней разлуке одно сближает... письма. Нету писем – всё равно что живая смерть” (с. 463). Как замечает мать, сын “изволил гневаться”, но она, хотя чаще и прощает его – “пока заочно прими моё благословение и негодующий поцелуй негодно<му> чаду. Нежная мать В. Тургенева” (с. 149), – иногда сама прибегает к подобной форме наказания близкого человека. Например, старший сын Николай Сергеевич за связь с безродной немкой А.Я. Шварц был подвергнут со стороны матери остракизму, о чем Варвара Петровна сообщает в одном из писем к Ивану Сергеевичу: “Мы с Николаем Сергеевичем друг другу чужие – насилу он догадался, перестал писать. Я на 16 писем не отвечала” (с. 531). Нетрудно сосчитать, что она пропустила в три раза больше почт, чем когда-то ее младший сын.

Словом, и она сама, и дети ее вели себя подчас одинаково жестоко по отношению друг к другу, что Варвара Петровна прекрасно осознавала и видела в этом определенную взаимообусловленную закономерность: “Только письма поддерживают и связи, и любовь, а когда так долго не получаешь писем, то приписываешь хладнокровию и сам холодеешь, чего надо бояться между детей и матери” (с. 524). Чувствовала она и “охлаждение” со стороны любимого Ивана, в чем винила и себя: “Ты прежде более любил меня – я отношу это к отвычке и с моей стороны. Я могу жить без тебя, чего прежде и думать не могла – потому что я не чувствую, чтобы тебе нужна была теплота материнского сердца. Однако хорошо тому, кого она греет” (с. 524). Сыновья выросли (так, в начале переписки И.С. Тургеневу 19 лет, а к моменту ее прекращения – почти 25) и все более отдалялись от нее, она переживала это отчуждение, как могла, принимая и на себя часть вины. Словом, очень важно, что письма В.П. Тургеневой помогают воссоздать семейную историю объемно, в том числе дают все основания предположить, что переписка между матерью и сыном прекратилась “отнюдь не по вине Варвары Петровны” (с. 9) или, дополнили бы мы, не только по ее вине. Это действительно важное уточнение к проходящему сквозь все биографии И.С. Тургенева лейтмотиву о трагической роли, которую играла В.П. Тургенева в судьбе сына, испытывавшего невероятный страх перед семейными узами.

Позволим себе привести еще одну интересную цитату из письма Варвары Петровны к “милым детям Коле и Ване”, которое было написано ею с учетом того, что они его получают на Страстной неделе, отсюда и интонация – праздничная и торжественно покаянная. Мать признается сыновьям: “Гнев матери – дым, малейший ветерок и пронёс его. А любовь родительская неограничена. Сквозь этот дым, как бы он ни ел глаз, надо видеть любовь, которая с колыбели вкоренилась в сердце. Однако простите ещё раз, похристосуйтесь между собою вместо меня...” (с. 417).

Еще один миф о Варваре Петровне как о матери, питавшей не равные чувства к двум своим сыновьям – якобы она более любила Ивана и достаточно прохладно относилась к старшему Николаю, что предопределило и полный разрыв между ними в итоге, – на наш взгляд, развенчивает следующее ее признание последнему. И здесь хочется еще раз подчеркнуть, что составители книги очень удачно и уместно снабдили комментарии к основному корпусу публикуемых писем В.П. Тургеневой ранее не публиковавшейся её перепиской с другими корреспондентами: таким образом все тексты объединяются в некий единый гипертекст, дополняя и уточняя друг друга. Так, в письме к И.С. Тургеневу Варвара Петровна пишет: “Мне говорили, что ты меня ревнуешь к брату. Правда это или нет? Укуси себе палец один, другой, и всё который больнее, верно, не скажешь, и поэтому верь, что все дети точно пальцы. Например, ежели бы у меня спросили, который мне нужнее, я бы назвала, а который милее, жалчей – нет! А из двух выбирать который – право, смешно и странно. Я люблю Ваню, знаю, что и твой он фаворит! – Benjamin de la famille (любимец семьи. – *фр.*) – столько же мой, как и твой. Все его балуем, он маленький. Он материн портрет, а ты – подобие любимого отца и мужа, ты первенец. Скажи, чем я тебя менее наделила. Когда менее ласкала. Это всё злоязычники, мои завистники. Оттого, что людям досадно, что дети почтительны к матери, и выдумывают – поседем-раздор” (с. 428). Своего рода “притча” о пальцах не только свидетельствует о начитанности Варвары Петровны и литературности её слога, о чем нам еще предстоит сказать, но и о желании прозвучать риторически убедительной и наверняка доказать сыну свою любовь. Конечно, младшего она любит особо – “Я краснею сама, что так ты мне мил, кажется, это грешно” (с. 437), – пишет она Ивану. В другом письме также весьма образно сообщает, что старшего сына она любит так, как если бы ей сжали руку и было бы больно, то младшего – любит “нестерпимо”, как “ежели бы

мне наступили на мозоль” (с. 153). И тем не менее в письмах, обращенных к Ивану Сергеевичу, заботы о старшем Николае или недовольство им как обратная сторона этой заботы, звучат весьма часто. Безусловно, Варвара Петровна ни в чем меры не знает – отсюда крайности от проклятий и желания смерти непослушному сыну до его отеческого и материнского (вместе!) – “а как я в виде и отца и матери, то правою рукою наказую, а левою, сердечною, материнскою, прижимаю к сердцу” (с. 517) – благословения. Любила она мучительной любовью обоих (в письмах писала “обеих”!) сыновей – одинаково сильно, но по-разному: одного как “первенца”, другого – как младшего, “любимца семьи”. Думается, это немаловажный штрих к ее портрету и к общей картине отношений между братьями Тургеневыми и Варварой Петровной.

Титул младшего сына налагал на И.С. Тургенева особые обязательства перед матерью, хотя это не всегда принимается в расчет биографами писателя. Он “по закону” обязан был заботиться и опекать ее по старости, о чем Варвара Петровна не уставала напоминать обоим своим детям, особенно когда они решили, проживая в Петербурге, нанять ей отдельное от них жилье с той собственною целью, чтобы она вообще к ним не приезжала. Дети пугали ее суровым петербургским климатом, а она ждала Ивана в свое, а значит и его имение, поскольку “согласно законам Российской империи, материнское имение наследовал второй сын” (с. 250). Варвара Петровна вполне обнаружила склонность к метким сравнениям, когда она проводила параллели между “родством” своей и сыновьей души с земельными владениями обоих: “А как по закону меньшей сын с матерью живет, то мой спасский участок с твоим тургеневским неразделен – так как и моя душа с твоею”. Поэтому, не без иронии замечала Варвара Петровна, она и любит сына “вдвойне, по тебе и по себе” (с. 386). Потом она еще не раз будет грозить Ивану, что “заставит” его выполнять закон и о ней заботиться, “требует” участия и помощи. И эти приказы и увещевания, если их цитировать изолированно, могут показаться угрожающими, однако они теряют подобную однозначность, как только включаются в общий контекст переписки. Да, она пишет, что ее материнские права “неоспоримы и неотъемлемы” и что она хочет жить там, где и дети (“желала быть третье лицо в вашей квартире”), но при этом уверяет, что не будет их “женить” (стеснять, беспокоить. – *фр.*), просит, чтобы они не оставляли ее “среди неба и земли”, чтобы “причислили” ее “куда-нибудь”, просит “приюта” (с. 397, 402). Словом, правда каждой стороны здесь налицо.

Зрелый писатель Тургенев ответственность за “конфликт” между отцами и детьми возложит на первых: это они должны обладать особым чутьем, терпением и такими запасами любви, чтобы принять детей со всем их молодым максимализмом и с непременным желанием быть не похожими на предшественников. Возможно, в этом сказался и его личный жизненный опыт, ведь ему представлялось, что мать едва ли может понять его, а любит скорее себя, чем их с братом – отсюда и некоторое небрежение своими сыновьями обязанностями. Однако рискнем предположить, что дело не только в этом, и с годами писатель поменял свое отношение к родительской любви, даже если она исходит от людей, не обладающих должным интеллектом и умом, как это было в случае с Базаровым и его родителями. Но для этого, вероятно, ему нужно было пережить свой конфликт отцов и детей, выстрадать непощение с умершей матерью, понять многое в себе и в ней.

Но все это будет позже, а тогда, в молодые годы, он позволяет себе иногда забывать про мать, вплоть до того, что по несколько месяцев не может исполнить ее незначительные просьбы: прислать устрицы, конфеты, журналы мод или чепцы. В истории с последними драматические взаимоотношения В.П. Тургеневой с сыновьями приобрели комический оттенок. Дети в течение года не могли выслать матери чепцы – модный дамский аксессуар, который в провинции очень сложно было достать, поэтому она просила сыновей об одолжении заказать чепцы в столицах. Поначалу она трогательно пишет детям о том, какие бы ленты хотела видеть на чепцах, мечтает, что покажется в новом наряде перед важной соседкой Ю.В. Шереметьевой. Но проходили месяцы и месяцы, ни чепцов, ни модных журналов не приходило. Варвара Петровна даже письма свои начинала с требования: “Добьюсь ли я чепцов” (с. 460), а сыновья перекладывали эту обязанность друг на друга. В результате она не получила обещанного и спустя год писала сыну Ивану довольно гневно: “Не лги... не лги... где же чепцы? Ты их не заказывал, у Гелерме (Гильерме – известная петербургская модистка. – *И.Б.*) не был” (с. 516). И как трогательно, едва не по-детски, Варвара Петровна ждет нарядов, которые привезут сыновья: Николаю сообщает о своем беспокойстве, что “с сыворотки, да с росы” “потолстеет” и обновка будет ей не годна (с. 428). Такой вот забавный пуант, вроде бы и незначительный для биографии И.С. Тургенева, но тем не менее оживляющий для современного читателя далекое прошлое.

Лейтмотив писем В.П. Тургеневой – деньги и отчеты в тратах. Она сама считает и любит, что-

бы счет деньгам знали другие. Настоятельные требования помнить о расходах и не входить в долги содержатся едва ли не в каждом письме к И.С. Тургеневу. А между тем рубли сотнями и тысячами отсылаются сыновьям. Ей, живущей в провинции и привыкшей экономить, кажется, что невозможно прожить столько, сколько Иван, например, проживает в Берлине или тратит, по его же словам, на апельсины. Однако подсчеты и упреки Варвары Петровны подчас действительно невыносимы: это может ощутить на себе читатель публикуемых писем и понять, что чувствовали ее дети, находясь в полной материальной зависимости от матери. Однако и тут есть свое «но». Варвара Петровна и о деньгах может писать сыну столь красочно, что ее слогу может позавидовать иной писатель. «Сейчас играют у меня квартет. Старые музыканты – кто в лес, кто по дрова. Я говорю капельмейстеру: “Разве ты не слышишь, Пётр, что они отстали?” – “Догонят, – сказал он мне в ответ, – потому что я с такты не сбиваюсь. Мое дело играть в каданс. *Я капельмейстер*”. *Я капельмейстер*. А что у вас неладно пойдёт денежная музыка, ежели неверно будете брать в кошельке и не считать *такты* – т.е. рубли. А мне какое дело, я говорила: “Считайте... считайте”. Не слушаетесь. Я права, виноваты *вы*» (с. 119). И Варвара Петровна действительно ощущала себя “капельмейстером”, хотя и вынуждена была терять ритм – высылать деньги детям не по сроку, когда они уж очень нуждались. А они нуждались – у них были большие расходы. Но все же она так и не приучила их считать деньги и жить по средствам, несмотря на все свои требования, наставления и угрозы.

Письма В.П. Тургеневой к сыну Ивану в своем полнотекстовом формате, снабженные профессиональным комментарием и объединенные в настоящем издании с большим блоком ее писем к старшему сыну Николаю, а также к близкой знакомой М.М. Карповой, являются бесценным “документальным свидетельством семейного прошлого”, “источником сведений о событиях в жизни семьи, родственного и поместного окружения, словесным образом семейно-родового мира” (с. 11), как справедливо подчеркивают составители. Многие вопросы, связанные с биографией писателя и его окружением, от бытовых до духовно-религиозных, получают в этой книге импульс первоисточника. Однако читатель ни в коем случае не должен забывать о том, что имеет дело с письмом как особой жанровой формой, которая предполагает сочетание бытовой документальности и литературности, особенно если речь идет об эпохе, вырастающей из самого, пожалуй, эписто-

лярного для русской культуры XVIII века и ограничивающейся первой половиной XIX столетия. Письмо в эту эпоху было не только важнейшей формой коммуникации, но и творческой самореализации человека. Поэтому письма В.П. Тургеневой, вне зависимости от адресата и его значимости для русской культуры, представляют особый интерес как знаковый литературный факт своего времени, а она сама может и должна рассматриваться как личность творческая. Письмо для нее, как и для многих ее современниц, берущихся за перо, есть одновременно и способ не терять связи с близкими, и своего рода творческий акт. В целом представленный в издании эпистолярный В.П. Тургеневой сообщает современному читателю, помимо семейной истории Тургеневых, о быте, нравах и литературных представлениях русского дворянства.

Очевидно, что В.П. Тургенева была личностью незаурядной творчески. Она, конечно, не была писательницей в традиционном понимании этого слова, но литературными талантами явно была одарена. И письма несут на себе следы ее читательских пристрастий, борьбы за красоту и точность фразы и мысли. В определенной мере ее представления о жизни, в том числе о том, какой должна быть семья, отношения между сыновьями и матерью почерпнуты ею из литературы и отдают книжностью. Подчас стремление к литературности делает автора уязвимым, особенно когда на первый план выходит расхождение между книжной условностью и живой реальностью, но иногда сформулированный в книгах идеал освещает и просветляет жизнь. Все это читатель встретит и в письмах В.П. Тургеневой, которая иногда хотела казаться лучше, чем была на самом деле. Впрочем, подчас она действительно была прекрасна – когда ее слово по-настоящему озабрало знаком творчества или находило отклик в творчестве других.

Не возьмемся перечислять все литературные предпочтения Варвары Петровны – указания на них содержатся в комментариях к письмам, – отметим только, что мать И.С. Тургенева интересовалась не только литературой, которая была популярна в ее молодости. Тексты ее писем изобилуют аллюзиями, восходящими к писателям и поэтам XVIII века (А. Кантемир, И.И. Хемницер, А.П. Сумароков, Г.Р. Державин, М.Н. Муравьев и др.). Она цитирует вполне современного П.А. Вяземского и яркой кометой сверкнувшего на рубеже 1830–1840-х годов М.Ю. Лермонтова, знает О. де Бальзака, является поклонницей А.С. Пушкина (очень часто вспоминает “Евгения Онегина”), литературная позиция которого в те годы не

многим казалась продуктивной, “перечитывает Мольера” (с. 443), немало интересуется литературой духовной, но, как известно, предпочитает не святоотеческую, а западную традицию. В любом случае, чтение было одним из важнейших ее занятий. Она не понимает, как ее современница (и родственница) может жить так: “вздыхает, ноет, охает, чай пьет, завтракает, обедает, опять ноет, чай пьет и в карточки...” (с. 79). Конечно, сама Варвара Петровна тоже гадала на картах, немало времени уделяет делам кухни и работам по хозяйству, о которых она не без художественного вкуса сообщает сыну, но тем не менее самое “приятное проведение времени” для нее составляет написание писем детям (с. 107), чтение и обучение. Она гордилась тем, что “по любви к сыну латынит” (с. 98), учит географию и историю. У нее, по ее же собственным словам, есть свой “умственный пансион”, поэтому и в других она ценит начитанность. «Моя старуха-матушка, – пишет она сыну, – любила читать “Гности”, могла судить о политике, о новых указах, о продаже, о романах, даже русских. Она любила читать и это ей давало понятие о вещах, вне нашего или её круга делающихся” (с. 79). Последнее суждение Варвара Петровна едва ли не примеряла к себе.

Начало литературной карьеры сына встречает с осторожностью, но не без тщеславия. Поначалу с трудом принимает его поэтическое творчество. О поэме “Параша” высказывается так: “Эта девушка не моего века” (с. 432), но все же искренне желает читательского признания своей “внучке побочной”. А когда оно приходит, не скупится на похвалы: биографы И.С. Тургенева часто цитируют фрагмент письма Варвары Петровны, где она сравнивает эмоции от прочтения поэмы с живым и говорящим о жизни запахом земляники. Думается, что история ее восприятия творчества сына, в том числе литературные советы и наказания – интересный предмет для психолога и историка культуры.

Неоднократно в письмах Варвары Петровны встречаются мысли, прочитанные ею у кого-то из заинтересовавших ее писателей, за которые она цепляется, как за свои, близкие сердцу. Иногда честно признается, что сама сказать так не может, поэтому и цитирует и восхищается цитатой. У Бальзака прочитала красивую мысль о “хризонидах” или куколках бабочек, которые “строят себе могилу, чтобы заново родиться в блеске и славе”. “Я бы рискнула умереть, чтобы жить”, – восхищается она (с. 79. В оригинале – по-французски. – И.Б.). К мысли о смерти, дающей право на память и иную жизнь, в том числе в сердце близкого человека, Варвара Петровна будет возвра-

щаться не раз. Прочитанную в “Мемуарах мадам де Жанлис” фразу, что необходимо “убивать себя, чтобы жить” (с. 105. В оригинале – по-французски. – И.Б.) она будет повторять неоднократно. А однажды пошлет сыну письмо, практически целиком состоящее из стихотворения А. де Мюссе “Rappell-toi”, где речь идет о человеческой душе, чье бессмертие символизирует растущий на могиле цветок. Подобная мысль звучит и в финале романа И.С. Тургенева “Отцы и дети”, хотя, конечно, источников у этой аллюзии много больше. Но в целом мысль о новом рождении в смерти или после смерти Тургеневу, как и его матери, была очень близка. В.П. Тургенева как “писательница” в своих письмах старается не только стилистически соответствовать той книжной культуре, что ее воспитала, но и находить свои меткие образы и сравнения.

Помимо известной склонности к паремиям (не только на русском, ни и на французском и латинском языках!), что в целом отвечало как дидактическому духу воспитавшей ее эпохи Просвещения, так и укорененности русской помещицы в народной культуре, Варвара Петровна нередко прибегает к сентименталистским клише. В этом действительно сказывается скорее не ее характер, сколько собственно литературный вкус эпохи. Любопытно, что сын иногда “подстраивается” под стилистические предпочтения матери, на что обращает внимание автор предисловия Е.Н. Левина. И.С. Тургенев, как полагает исследователь, “стремился изъясняться с нею на понятном языке и в привычной для неё манере” (с. 12). Вкрапления тургеневских фраз в письма Варвары Петровны, на которые она отвечает, цитируя их, ценны еще и тем, что эпистолярное наследие писателя этих лет сохранилось очень плохо. Однако остается не ясным, насколько корректно мать понимает и пересказывает мысли сына, да и насколько он увлекался стилизацией в своих посланиях к ней. В любом случае, вопрос о стилистике ранней эпистолярной прозы И.С. Тургенева очень интересный и, думается, еще ждет своего исследования в будущем.

Насчет самостоятельных находок Варвары Петровны в области образности языка стоит сказать, что она старалась быть изобретательной. В этом ей немало помогали паремии, которыми она умело пользовалась, но не только. Она стремится к яркости, красочности в выражении своих мыслей, поэтому когда ей удастся что-то, как она полагает, свое, радуется искренне. В одном из писем к Ивану Сергеевичу читаем: “твоими письмами я не избалована – хотя ты лён, из которого тянется нить моей жизни”. Это сравнение ей нравится, и

она комментирует его так: “Ага, каково сказано, сама сочинила. Хорошо и ново” (с. 509). Помимо отдельных стилистических удач и придуманных Варварой Петровной неологизмов, например “мой церброхенен” (“мой отломанный кусочек” – с. 241), в текстах ее писем можно обнаружить постоянный образно-эмоциональный пласт, который представляет собой интерес как явление культурологическое. У Варвары Петровны, по подсчетам автора вступительной статьи Е.Н. Левиной, «слово-образ “гнездо”» упоминается более 20 раз, во всем многообразии его смысловых оттенков, среди которых – “дом”, “жилище”, “усадьба”, “семья”, “судьба”, – так что оно может рассматриваться как “наследственное семейное представление” (с. 13, 14). Очевидно, что культура семейного общения Тургеневых, будучи частью культуры русского дворянства, концентрировала в себе ее важнейшие концепты.

В эпистолярных текстах В.П. Тургеневой немало примеров использования образов и сюжетов, которые можно отнести к разряду “вечных”. Например, притча о блудном сыне проходит лейтмотивом через все ее письма к сыну Ивану: “... тебе, блудная овца, – послали денег”; “...ты можешь быть уверен, что блудного сына примут с распростертыми объятиями и убьют для него упитанного тельца” (с. 147, 211). Притча о семени и о его всходах на доброй почве, о доме, построенном на песке, свидетельствуют не только и не столько о степени религиозности или тем более церковности автора и его корреспондента, сколько относятся к числу привычных культурных кодов. Евангельские сюжеты пронизывали русскую дворянскую культуру в целом и становились неотъемлемой частью сознания русского человека – этот вывод напрашивается по прочтении писем В.П. Тургеневой. Однако эпистолярное наследие Варвары Петровны, рассмотренное как текст культуры, не снимает вопроса о том, насколько использованные ею сюжеты и образы были значимы в творчестве ее сына, что также, видимо, заслуживает отдельного внимания. Справедливости ради стоит сказать, что во вступительной статье этот аспект проблемы намечен, особенно в той части, где речь идет о сходном отношении обоих к Христу (с. 19–20), но полностью разрешенной её считать, конечно, нельзя.

Исключительно интересны и ценны представленные во вступительной статье размышления о религиозности семьи Тургеневых (с. 18–20). Очевидно, что опубликованные без купюр письма В.П. Тургеневой не снимают вопроса о странности ее отношения к православной церковной традиции, но решительно не позволяют считать ее человеком, равнодушным к вопросам веры.

Хотелось бы отметить, что даже если абстрагироваться от того, что В.П. Тургенева – мать великого писателя И.С. Тургенева, чье религиозное сознание представляло и до сих пор представляет для читателей и исследователей серьезную проблему, а воспринимать ее как живого свидетеля эпохи, то и в данном случае духовные искания Варвары Петровны оказываются интересны для историка русской культуры. У нее был не простой, но искренний и тернистый путь к Христу и свой протест против установленных правил, чего стоит только придуманный ею образ Эммануила Осиповича Криштафовича, в котором она персонифицировала идею Божьего промысла и покровительства! Её двойственность и борьба гордыни и смирения – все это в полной мере высказывается в письмах к сыну – говорят о ней как о человеке Нового времени, в котором жажда веры мучительно сочеталась с сомнением.

“Великое слово мать”, – торжественно писала В.П. Тургенева своему сыну в одном из писем. Её много беспокоил тот образ матери, каким он складывался в сознании детей. Из книг она, будучи хорошей читательницей, знала, каким должен быть идеал семьи, и писала об этом свои сыновьям. Писала о том, что “страдания детей всего в мире мучительней для матери” (с. 152), что семейный быт, который лучше рая, можно вполне обустроить и в своем доме, а для этого необходимы всего-то: “чистая экономка, старуха-мать, гостиния светлая, тёплая, накурена, всегда радушный прием мамы, кормилицы, готовый вкусный стол...” (с. 484). Но литература и действительность в ее письмах подчас причудливо переплетались и нередко противоречили друг другу. В.П. Тургенева, видимо, и жила так, как писала письма, делая мир вокруг себя полем для непростого эксперимента, где скрещивались реальность и условность, между которыми трудно, а подчас и невозможно провести границу.

Книга оформлена и издана роскошно и с удивительным тактом, передающим дух и цвет той эпохи, в которой писались эти письма. Однако исключительно в качестве пожелания на будущее можно предложить издателям дополнить книгу публикацией большего количества фрагментов из писем В.П. Тургеневой, представленных факсимиле.

В заключение хотелось поздравить коллектив ученых и издателей, который трудился над выходом рецензируемой книги, с окончанием важного и нелегкого труда, а также с присуждением Национальной премии “Лучшие книги и издательства 2012 года”.

И.А. Беляева